

вается под кличкой Туркменбаши, не удастся долго уклоняться от ответственности.

“Московский комсомолец”, М., 31 октября 2003 г.

Э.Мамытова

кандидат экономических наук (г.Бишкек)

РЕЛИГИОЗНЫЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И КЛАНОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия является одним из густонаселенных мультиэтнических регионов мира. Наиболее крупными этническими объединениями здесь были и остаются казахи, узбеки, киргизы, туркмены, таджики, каракалпаки. Помимо них в регионе имеются еще около 80 различных этнических групп и общностей. Вооруженный конфликт в Таджикистане, конфликты между киргизами и узбеками в Киргизии, узбеками и турками-месхетинцами в Узбекистане показывают, что относительное спокойствие в Центральной Азии обманчиво. К числу основных предпосылок конфликтов в Центральной Азии можно отнести особенности формирования Советского государства. Так, широко использовалась практика произвольного изменения территориальных границ, “наказания народов” с их насильственной депортацией, что породило проблему “разделенных народов”. В советское время границы между республиками были установлены первоначально в 1920—1930 гг. и потом несколько раз изменялись, причем без учета исторических и культурных традиций и интересов народов региона. Эти изменения границ были связаны с хозяйственной специализацией в рамках единого народного хозяйства. В результате Самарканд и Бухара, в которых большинство населения составляют таджики, оказались в составе Узбекистана. А Ленинабадская область, в которой проживают в основном узбеки, оказалась в составе Таджикистана. Ферганская долина была поделена между Киргизией (Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области), Узбекистаном (Ферганская, Андижанская и Наманганская области) и Таджикистаном (Ленинабадская область).

В результате в Центральной Азии насчитывается ряд спорных территориальных проблем, которые подогревают межгосударственные и этнические конфликты. В качестве примера можно привести ситуацию в зоне, принадлежащей Узбекистану и Киргизии (Ошская область). Здесь государственные и этнические границы не совпадают.

Ошская область граничит с Узбекистаном, и узбеки составляют половину населения области. В Ошской области между узбеками и киргизами существует напряженность, которая особенно усилилась после этнического конфликта в Ошской области (1990), в результате которого погибло 320 человек.

Надо отметить, что, когда межэтнический конфликт стараются использовать в политических целях, конфликтная ситуация создается быстро. Так, упомянутый межэтнический конфликт в Ошской области (1990) начался с инцидента по поводу спорного земельного участка под строительство жилого дома. Произошло столкновение между киргизами и узбеками, которое быстро распространилось по всей области, приняло жестокий характер и унесло сотни жизней. Конфликт между турками-месхетинцами и узбеками в Фергане (май—июнь 1989 г.), унесший жизни 112 человек, начался также с драки на бытовой почве. Проблема взаимоотношений между киргизами и узбеками усложняется тем, что некоторые территории Киргизии были переданы Узбекистану временно на 25 лет. Формальный срок возврата земель уже закончился, однако Узбекистан не собирается возвращать эти территории. Более того, Узбекистан в одностороннем порядке установил визовый режим пересечения границ с Киргизией, причем некоторые участки данной границы были заминированы. На этих минах гибнут мирные жители как со стороны Киргизии, так и со стороны Узбекистана, что провоцирует напряженность на юге Киргизии, где половину населения составляют узбеки.

Аналогичные проблемы существуют во взаимоотношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Более 40 мирных таджикских граждан погибло с августа 2000 г. от узбекских мин, установленных на таджикско-узбекской границе. Дестабилизации политической ситуации способствуют и военные действия в Афганистане, нестабильность обстановки в Таджикистане, с которыми связаны вооруженные столкновения на юге Ферганской области в 1999—2000 гг. Так, в июле 1999 г. вооруженные банды проникли из Таджикистана в Баткенский район Киргизии для прохода в Узбекистан. В августе 2000 г. эти банды опять напали на Узбекистан и Киргизию. Нападавшие требовали выпустить на свободу родственника лидера Исламского движения Узбекистана Тахира Юлдашева. Можно согласиться с мнением российской исследовательницы Д.Малышевой, что военные столкновения на юге Киргизии и Узбекистана в 2000 г. не случайно совпали по

времени с наступлением афганских талибов на позиции Северного альянса. Таким образом, получается следующая схема: ядро исламской оппозиции формировалось в Афганистане, инфраструктура развертывалась в Таджикистане, Киргизия являлась транзитной дорогой войны, а главной мишенью была Ферганская долина.

Конфликтогенность государств Центральной Азии связана и с тем, что они расположены между крупнейшими мировыми производителями опия (Афганистан, Пакистан, Иран) и рынками Западной Европы. А через Китай открывается доступ к странам Золотого треугольника (Мьянма, Лаос, Таиланд). Как показывает практика, наркобизнес и межнациональные конфликты взаимосвязаны. Именно в сфере, где дестабилизирована политико-социальная обстановка, наркобизнес набирает силу. Объем афганских наркотиков, ежегодно попадающих в Россию и Европу транзитом через Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан и Казахстан, составляет 3,5 тыс. т. Эксперты ООН по борьбе с наркотиками наиболее важной в Центральной Азии считают программу «Ошский узел». По оценкам местных наблюдателей, все население региона в той или иной мере задействовано в переправке, переработке, продаже героина. Наркотики влекут за собой организованную преступность, а преступные группировки способны найти потенциальных партнеров среди оппозиционных сил региона.

Постоянным источником нестабильности, провоцирующим конфликты, является религиозный экстремизм. Причинами активизации исламского фактора в Центральной Азии является, во-первых, социальный кризис в общественном сознании. В обращении к ценностям ислама люди хотят увидеть альтернативу сегодняшней жизни: советская власть потерпела крушение, национальное государство обмануло ожидания, демократические ценности во многом воспринимаются через призму западной поп-культуры, остается ислам с его традициями, верой, равенством всех перед Всевышним. Немаловажное значение имеет и возрастание роли ислама как механизма для выражения националистических устремлений, легитимизации власти, идейной основы для формирования оппозиции.

Определенное воздействие оказывает и нарастающее влияние исламских стран Ближнего и Среднего Востока и распространенных там направлений ортодоксального ислама, в частности ваххабизма. На территории Центральной Азии ваххабиты впервые проявили себя во время гражданской войны в Таджикистане в 1992—1993 гг. Исламский экстремизм, вышедший из «недр» исламского фундаментализма

и отличающийся приверженностью к террору и насилию при реализации своих планов по построению “исламского порядка”, не может не вызывать беспокойства в силу своего дестабилизирующего воздействия на ситуацию в государствах Центральной Азии. Для достижения своих политических целей исламские экстремисты все чаще организуют террористические акты. Так, в октябре 1997 г. в Намангане они провели серию покушений на местных чиновников и сотрудников милиции, подстрекали местных жителей к антиправительственным акциям. В 1997—1998 гг. аналогичную работу они провели на юге республики, а в феврале 1999 г. организовали прямой террористический акт против президента И.Каримова, в результате которого 16 человек погибли и более 100 были ранены. Примером религиозного экстремизма и терроризма является и баткенский кризис в Киргизстане в 1999 г. Боевики, прорвавшиеся в республику со стороны Таджикистана, взяли в заложники 13 человек и потребовали, чтобы Киргизстан пропустил их на территорию Узбекистана. понадобилось около девяти недель бомбежек, чтобы кризис был разрешен и боевики вернулись на свою базу в Таджикистане. Это был не первый инцидент. Надо отметить, что в ходе баткенских событий уже следующего 2000 г. погибло 27 человек.

Очагом религиозного возрождения является Ферганская долина — исторически единый регион, который, как уже отмечалось, в советский период был поделен между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизстаном. В результате значительные узбекские этнические анклавы оказались в Киргизстане и Таджикистане, а киргизские — в Узбекистане. Демографический взрыв 70-х годов превратил долину в потенциально конфликтную зону, перенаселенную, обедневшую, с недостаточными резервами воды и орошаемой земли, высоким уровнем безработицы. Именно в Ферганской долине произошли два межэтнических конфликта — между узбеками и турками-месхетинцами в 1989 г. и между киргизами и узбеками в 1990 г.

Появлению исламского экстремизма в регионе также способствовали изменения политики правительств центральноазиатских стран. Если на первых порах восстановление исламских ценностей приветствовалось государствами (так, только за период с 1987 по 1991 г. количество мечетей в центральноазиатских государствах возросло со 160 до 5 с лишним тысяч, причем 60% всех новых мечетей в Таджикистане и Узбекистане были построены на деньги зарубежных религиозных организаций), то в дальнейшем вмешательство религиоз-

ных организаций в политику было запрещено, в строгие рамки была поставлена деятельность Партии возрождения ислама и других подобных ей экстремистских организаций. Это привело к тому, что в Узбекистане и Таджикистане радикальные теократические силы перенесли центр тяжести своей деятельности в отдаленные районы, где контроль центральной власти меньше, а социальная база — шире. Расширяющие свою социальную базу исламисты могут превратиться в экстремистов, что уже имеет место в Узбекистане, где тактика жестокого подавления со стороны власти подталкивает исламских лидеров к экстремизму. Так, в 1998 г. в Наманганской области вспыхнули волнения, напрямую не связанные с религиозным фактором. Протест населения вызвало резкое падение жизненного уровня. Но возглавили это социальное движение исламисты.

Перспективы усиления влияния радикального политического ислама оцениваются по-разному в зависимости от района его потенциального распространения. Большая часть территорий Казахстана, Киргизии и Туркмении слабо подвержены влиянию подобных идеологий, тогда как в более глубоко исламизированных районах Узбекистана и Таджикистана для исламизма имеется более серьезная почва. Особое внимание в этой связи привлекает Ферганская долина, называемая “хартлэндом фундаментализма” в Центральной Азии.

Казахстан включается в “группу меньшего риска” ввиду относительно неглубокой исламизации казахов, сильного влияния советской политики секуляризации и, наконец, наличия составляющей около половины всего населения русскоязычной общины. И все же определенная почва для политического ислама имеется и здесь. Этому благоприятствует не столько сильная исламизация ряда районов юга республики, сколько межнациональная напряженность в отношениях коренного и русскоязычного населения. Первым конфликтом явились события в Алма-Ате (17—18 декабря 1986 г.), связанные со сменой руководства Республики Казахстан. Замена Д.Кунаева на Г.Колбина вызвала студенческие волнения. Помимо выдвижения националистических лозунгов и протестов против самоуправства Москвы, студенты предлагали русским убраться из республики. Этот конфликт показал, насколько болезненными могут быть перемены во властных структурах в связи с проблемами национального самосознания. Отмечая примерно те же факторы, что и в казахстанском случае, в одну группу с Казахстаном можно отнести и Киргизию. Апелляция к религии различных политических сил играет подчиненную

роль при решении иных проблем, связанных, например, с независимостью, языком, нехваткой жилья, безработицей и т.п. Однако существующие в южных районах социальные и межэтнические проблемы являются питательной средой для радикализации религиозности. Так, нелегальная партия “Хизб ут-Тахрир” наибольшую активность проявляет на юге Киргизии — в Ошской и Джалал-Абадской областях, где только за период с 2000 г. до середины 2002 г. было арестовано более 100 членов этой партии. Радикализации ислама может способствовать и внешнее влияние, исходящее из более исламизированных Таджикистана и Узбекистана.

Таджикистан — единственное государство Центральной Азии, где легально действует исламская партия. В соответствии с мирными соглашениями 1997 г., положившими конец пятилетней гражданской войне, Партия исламского возрождения Таджикистана (создавшая в годы войны Объединенную таджикскую оппозицию и ставшая Движением исламского возрождения) получила в Таджикистане определенное влияние. В условиях возрастания угрозы религиозного экстремизма руководству Таджикистана есть чего опасаться. Впереди парламентские выборы 2004 г. В стране, где более 95% населения исповедуют ислам, исламские партии вполне могут составить конкуренцию нынешнему режиму. Необходимо отметить, что на фоне всеобщей борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом власти начали оказывать определенное давление на Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая сейчас является главной оппозиционной силой в стране. Так, в середине июля 2002 г. президент Эмомали Рахмонов в нескольких публичных выступлениях обвинил ПИВТ в том, что некоторые ее члены занимаются распространением среди населения идей экстремистского толка, способствуя таким образом расколу в обществе. Одновременно с наступлением на ПИВТ власти Таджикистана осенью 2002 г. закрыли восемь мечетей близ границ с Узбекистаном и Киргизией, объясняя свои действия необходимостью прекратить незаконную деятельность имамов и исламских проповедников. Это первый случай закрытия мечетей с момента обретения Таджикистаном независимости в 1991 г. Уволены 15 глав мечетей, которым Совет улемов Таджикистана (высший религиозный орган страны) отказал в регистрации. Согласно официальным данным, на 1 июля 2002 г. в Таджикистане были зарегистрированы 231 крупная мечеть, 3082 мелких, 20 медресе, один исламский институт и 96 курсов начального исламского образования.

Узбекистан, являющийся стратегическим центром всего региона, также относится ко второй группе центральноазиатских государств, в которых местный ислам имеет большой потенциал для влияния на общественную и политическую жизнь. В данном плане основное значение имеют Ферганская долина, а также Каракалпакская республика. Для сохранения устойчивости своего положения в этих условиях местный правящий режим вынужден все больше обращаться к исламской атрибутике: президентская клятва на Коране, совершение И.Каримовым хаджа, объявление некоторых исламских праздников национальными, реабилитация связанных с религией исторических фигур (Мухаммеда ал-Бухари, Бахауддина Накшбанди, басмачей и др.). С другой стороны, правящий режим осуществляет жесткий контроль над легальной религиозной деятельностью и репрессии против объединений типа Исламской партии возрождения или “Адолат”. Исламистские партии и группы — “Товба”, “Адолат”, “Ислам лашкарлари” и другие с самого начала своей деятельности стремились установить в республике исламские порядки, организовывая антиправительственные митинги. Наиболее крупные выступления прошли в Наманганской области в декабре 1991 г., когда исламисты (“ваххабиты”, ИПВ, “Адолат”, “Товба”) устроили демонстрацию и захватили здание областного комитета компартии, потребовав создать исламское государство. В 1996 г. узбекские исламисты создали Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Следует отметить, что в результате преследований со стороны правящего режима последнее ушло в глубокое подполье. В целом перспективы узбекского исламизма существенно ограничены не только из-за результативности репрессивных мер государства, но и ввиду локализованности влияния подобных организаций территориальными, этническими и клановыми рамками. Тем не менее нельзя исключить возможность роста влияния радикального политического ислама в условиях ухудшения социально-экономической ситуации, в результате чего исламизм при жестко авторитарном режиме может стать единственным каналом для выражения оппозиционных настроений.

К числу основных факторов, тормозящих реисламизацию, следует отнести следующие. Во-первых, влияние советского периода в Центральной Азии. Результатами советской политики секуляризации и борьбы с религией стали сравнительно небольшое количество мечетей, большая роль женщины в обществе, популярность западной массовой культуры, слабость исламского образования большей части му-

сульманского населения. Также необходимо отметить, что замедленность реисламизации Казахстана и Киргизии объясняется не только советским влиянием, но и относительно слабой укорененностью ислама в местных культурах. Территория Центральной Азии не входила в состав Халифата, и, следовательно, население не испытало влияния исламской политической системы. Поэтому ислам в Центральной Азии не получил своего развития как политическая идеология и представлен только как идеология религиозно-мировоззренческая.

“Межмусульманские” этнические конфликты (узбекско-месхетинский, узбекско-киргизский, таджикский), раскол религиозных институтов по этническому признаку, неудача проектов региональной интеграции (пантюркистского, паниранского объединения) — свидетельство того, что этнический партикуляризм гораздо сильнее идеи исламской солидарности. Этнические разногласия затронули и сферу религии, речь идет об этнических — узбекских, киргизских, уйгурских и дунганских — мечетях и медресе. Вместе с тем для легимитизации своего правления элиты пользуются исламской атрибутикой и союзом с “официальным исламом”, с которым частично слился вышедший из подполья ислам “неофициальный”. Однако идеология таких режимов сочетает национализм и родоплеменной патриотизм, регионализм и традиционализм. Еще в годы советской власти партийный функционер всегда воспринимался здесь в первую очередь как опирающийся на родственный клан представитель власти и уже только потом — как носитель коммунистической идеологии.

В условиях, когда оказалась разрушенной старая социальная структура, а новая еще не сформировалась, вакуум заполнила клановая структура, которая представляет собой сложный конгломерат, состоящий, с одной стороны, из родоплеменных объединений, а с другой — из региональных, определяющими из которых являются последние. Конфликт в Таджикистане, обнаруживший вначале признаки идейно-политического противостояния новых общественно-политических сил преемникам посткоммунистической системы, в дальнейшем наглядно показал, что в его основе первое место принадлежит региональным и клановым интересам отдельных группировок. Деление таджикского народа на локально-территориальные общности, отличающиеся друг от друга по хозяйственным укладам, культурным традициям и т.д., обусловлено прежде всего спецификой исторического развития, а также макрорельефом страны. Северо-запад

современного Таджикистана, в пределах Ленинабадской области, Мургабского района и Горно-Бадахшанской автономной области, был присоединен к Российской империи в 1886 г. Юг, оставшийся в составе Восточной Бухары, являлся экономически менее развитым регионом. Разделенные горными хребтами южные таджики жили более замкнутыми группами, здесь доминировала крестьянская общинная традиция. До установления советской власти в Таджикистане характерной была незавершенность процесса национальной консолидации. Административно-территориальное деление республики в советский период на области и районы во многом зафиксировало сложившиеся к началу XX в. историко-культурные территориальные объединения с элементами государственности. Начало таджикской трагедии было положено в середине 80-х годов, когда четко обозначилась линия раскола между промышленно развитым севером и более традиционным аграрным югом. А во время предвыборной кампании президента в 1991 г. возникли следующие альянсы: гармская и бадахшанская элиты против ленинабадско-кулябско-гиссарской группировки. Победа ленинабадца Р.Набиева спровоцировала открытое контрнаступление гармской и бадахшанской элит в 1992 г. Началось деление партий, политических организаций, правоохранительных органов и религиозных лидеров по региональному признаку. К осени 1992 г. Таджикистан оказался расколотым на ряд «удельных княжеств». Понадобилось пять лет междоусобной войны, пока стороны конфликта нашли в себе силы сесть за стол переговоров. Подписанный в июне 1997 г. мирный договор между таджикским правительством и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО) по-прежнему носит черты межкланового союза, хотя и рассчитанного теперь на длительную перспективу.

Характерной чертой казахского этноса является подразделение на три жуза: Старший, Средний и Младший, каждый из которых имел свою родоплеменную организацию. Территориальная идентификация жузов представлена следующим образом: Старший жуз занимает Южный Казахстан, Средний — его центральную и восточную части, Младший — западную и северную. Представители Среднего жуза на протяжении долгого времени, как в дореволюционный, так и в советский период, преобладали в составе казахской элиты. Выходцы из других жузов также были представлены в высших звеньях аппарата управления, но довольно незначительно по сравнению с элитой Среднего жуза. С приходом к власти Л.И.Брежнева во главе Казах-

стана стал Д.Кунаев — представитель Старшего жуза. Начиная с этого времени происходит активное продвижение представителей Старшего жуза на ключевые должности в высших и средних эшелонах власти. Однако в полной мере вытеснить представителей Среднего жуза не удалось. Пришедший к власти Н.Назарбаев продолжил продвижение своих сородичей Старшего жуза, это приняло такие масштабы, что заговорили о “чемолганизации” власти. О сохранении родственных связей и родоплеменных отношений у центрально-азиатских народов свидетельствует и развернувшаяся деятельность по реализации аграрной реформы 90-х годов. Реформа показала, что при распределении земельных долей сельские жители в большинстве своем стали объединяться в коллективно-крестьянские хозяйства, а члены большой семьи по родоплеменным признакам.

Как и в других аналогичных случаях, состав киргизского этноса тесно связан с существовавшей ранее системой родоплеменного деления. Киргизские племена делятся на правое крыло (он) и левое (сол), которые, в свою очередь, делятся на ряд племен. Наряду с делением по областям в Киргизии также существует деление на Север и Юг. В основе такого деления лежат особенности географического положения, исторического развития, природно-хозяйственные особенности северной и южной частей республики. Южный регион находится на довольно значительном расстоянии от центра, несколько отставая в экономическом, социальном и культурном отношении. Сравнительная отдаленность территорий двух регионов вылилась в их относительную изолированность. Юг республики является более архаичным, традиционным. Это обусловлено сильным влиянием Кокандского ханства, более поздним, по сравнению с севером, присоединением к России, опять-таки более поздним установлением советской власти. Парламентские выборы 1995 и 2000 гг. наглядно продемонстрировали, насколько сильны традиционные институты в киргизском обществе. Так, в период выборов и доверенные лица кандидатов в депутаты, и средства массовой информации акцентировали внимание избирателей на том, откуда кандидат родом, из какой области, какого племени. При этом деловые, личные качества, организаторские способности претендента отодвигались на второй план. За пределами родного района не рискнули выставить свои кандидатуры даже известные политики, деятели культуры, науки и искусства. Они также вынуждены были искать свои родоплеменные корни. Ни один народный депутат Жогорку Кенеша, будучи выходцем с Севера рес-

публики, не попытался пройти в народные депутаты на Юге, и наоборот. Имели место факты, когда между крупными племенами шла жесткая конкуренция. Так, в период выборов 1995 г. в Таласской области организовали общество “Саруу уруусу”, одной из главных целей которого являлась победа кандидатов из племени саруу Ю.Тойчубекова и О.Субаналиева. Интересны в этом плане и результаты выборов президента Киргизской Республики в 1995 г. Несмотря на усилия местных руководителей Юга и агитационную работу средств массовой информации, в пользу А.Акаева в Ошской области проголосовали 51%, в Джалал-Абадской — 61,35, тогда как в Чуйской области — 87,2, в Иссык-Кульской — 92,2, Нарынской — 97%. Как видно из цифр, А.Акаев, как выходец с Севера, на Юге страны получил намного меньше голосов. 2002 год в Киргизстане можно охарактеризовать как год “уличной политики” южных регионов во взаимоотношениях с правительством. Это выразилось в маршах протеста жителей ряда южных районов республики, требующих освободить своих депутатов-соплеменников или наказать виновников расстрела безоружных демонстрантов в марте 2002 г. Необходимо учитывать, что все эти выступления носят местнический, родоплеменный характер. На защиту того или иного депутата становится его род; представители же других родов или национальностей, проживающих в том же районе, не выступают в поддержку “чужого” депутата. Более того, аксыйские события показали, что жители одного и того же района, но разных родов, выступили друг против друга (одни в поддержку пострадавших, другие — в поддержку виновников происшествия).

Власть активно использует региональный аспект в развязывании внутриэтнического конфликта в республике. Так, в противовес митингам и маршам протеста южан, требующих отставки президента, в столице под руководством представителей президента проводятся митинги протеста северян против требований южан.

Таким образом, конфликтность государств Центральной Азии связана не только с последствиями социально-экономического кризиса, но и с разобщенностью народов по этническому, клановому и религиозному признакам, условностью географического и территориального деления этих государств, проблемой “разделенности” народов, оказавшихся по разные стороны границ. Историческая практика показывает, что на почве противоречий между этническими, религиозными и клановыми группами происходит большая часть конфликтов, вооруженных столкновений, которые создают угрозу не

только безопасности граждан, но и стабильности государств, регионов.

*“Россия и Восток: Проблемы взаимодействия”,
Волгоград, 2003 г., с. 166–178.*

КТО СКОЛЬКО ТРАТИТ НА ОБОРОНУ И НАПАДЕНИЕ

Международный институт стратегических исследований (СИПРИ) опубликовал данные военных расходов стран мира в 2004 г. Согласно материалам СИПРИ, Туркмения на военные нужды тратит рекордно малую часть ВВП — 0,8% — 284 млн. долл. (58 долл. на душу населения). Военные расходы Грузии составили 1,7% ВВП — 236 млн. долл. (46 долл. на душу населения). Среди остальных государств бывшего СССР наиболее щедро расходуют деньги на нужды вооруженных сил Украина — 4 млрд. 728 млн. долл., что составляет 2,2% ВВП (97 долл. на душу населения), Казахстан — 1 млрд. 986 млн. долл. — 2% ВВП (124 долл. на душу населения) и Белоруссия — 1 млрд. 891 млн. долл. — 2,5% ВВП (188 долл. на душу населения).

США стали мировым лидером по общему числу средств, затраченных на военные нужды. В 2002 г. военные расходы США составили 3,3% от уровня ВВП страны — 329 млрд. 616 млн. долл. (1138 долл. на душу населения). В первую пятерку стран, чьи военные бюджеты наиболее высоки, также входят: Россия (48,4 млрд. долл.), Франция (более 38 млрд. долл.), Япония (37,7 млрд. долл.) и Великобритания (35 млрд. 227 млн. долл.). Если считать в процентах от ВВП, то здесь мировым лидером по уровню военных расходов в 2002 г. стала Северная Корея, которая израсходовала на эти нужды четверть ВВП. В первую пятерку стран, наиболее щедрых к нуждам армии, также входят Заир — 21,7%, Эритрея — 16, Катар — 13,4 и Саудовская Аравия — 12%. По среднедушевому показателю лидируют Катар — 2859 долл., Кувейт — 1582 долл., Израиль — 1499 долл., США и Сингапур — по 1010 долл. на душу населения.

Непонятно, какой методики придерживались авторы исследования, но совершенно ясно, что цифры, которые они опубликовали, нуждаются в уточнениях и комментариях. Скажем, согласно данным СИПРИ, в прошлом году расходы Армении на оборону составили 162 млн. долл. — 6,4% ВВП (162 долл. на душу населения), Азербайджан затратил на эти цели 851 млн. долл. — 3,3% ВВП (104 долл. на